

Деятельность Сё:току-тайси (574-621)

Н.Н. Трубникова

В ряду государственных деятелей Ямато VI-VII вв. особое место занимает сын государя Ё:мэй, известный под именем Умаядо (Умаято) 馬屋戸 и под посмертным величанием Сё:току-тайси 聖徳太子 — «Наследник мудрый и добродетельный». Его называют «духовным учителем японского народа» (A History of Japanese Religion. Ed. By Kazuo Kasahara. Tokyo, 2004. P.60), часто именно ему приписывают заслугу первоначального распространения буддизма на Японских островах и даже видят в нем «японского будду» (Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987. С.90). Согласно «Анналам» и другим памятникам, царевич успешно совмещал почитание «Трех Сокровищ» и «родных богов», а также немало сделал для приобщения японцев к конфуцианскому учению и к материковой книжности в целом. С другой стороны, иногда его приводят как пример неумеренной тяги ко всему китайскому, как одного из разрушителей островной японской самобытности (см. Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988. С.23-44).

Первое сообщение о царевиче Умаядо дается в «Анналах Японии» под 586 г., когда его мать назначают государыней-супругой государя Ё:мэй. Здесь указано, что позже Умаядо «ведал многими делами правления и исполнял обязанности государя» ([Нихон сёки. Анналы Японии](#). Перевод со старояпонского и комментарии Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т. II — Свитки XVII-XXX. СПб., 1997. С.80). Подробности о рождении и детстве царевича приводятся под 593 г., в начале повествования о правлении государыни Суйко, чьим наследником он был объявлен. В годы правления своей тетки он «держал в своих руках дела управления и был посвящен во все дела» (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С.90).

Имя *Умаядо* означает «Дверь конюшни». Оно поясняется так: по пути в дом, построенный для родов, супруга будущего государя Ё:мэй осматривала разные учреждения при дворе. Когда она дошла до Конюшенного Управления, то в дверях конюшни вдруг легко разрешилась

от бремени. Образ необычайно легких родов, вероятно, отсылает к легенде о Будде Шакьямуни — в отличие от большинства людей, царевич племени шакьев в Индии и царевич Умаядо в Ямато не пережили «муки рождения». Поэтому оба они сумели сохранить мудрость, накопленную в прежних перерождениях¹. Некоторым японским авторам XIX-XX вв. это сообщение «Анналов» дало повод сопоставлять жизнеописание Сё:току с евангельским рассказом, где рождение Христа тоже связано с местом, где держат домашний скот. В этом совпадении усматривали возможное влияние христианства в Японии VIII в., что представляется маловероятным.

Согласно «Анналам», царевич Умаядо с самого рождения умел говорить² и «обладал мудростью святого» 聖の智有り, *хидзири-но сатори ари*. Понятие 聖, *сэй/хидзири*, кит. *сянь*, восходит к древним китайским текстам, прежде всего, к «Прилагаемым суждениям» из «Книги перемен». Там словом *сянь* обозначается человек, способный постичь знамения Неба и действовать в соответствии с ними. Образ государева родича, который берет на себя дела правления и при этом не стремится сам стать государем, отсылает к Чжоу-гуну, образцовому «благородному мужу». Повзрослев, Умаядо мог «разом выслушивать десятерых и решать их дела без ошибки» — отсюда второе его имя Тоётомими 豐聰耳, «Чуткий ухом». Государь Ё:мэй поселил сына в «Верхнем дворце» 上宮, *Камицумия*, поэтому позже Умаядо звали также «Наследником Камицумия».

В 587 г. Сога-но Умако, дед Умаядо, собирает войско для войны против Мононобэ-но Мория и его сторонников³. Поначалу войско Сога терпит поражение и вынуждено отступить. Тогда Умаядо, тогда еще подросток, произносит «обет» («клятву») 願, *тикаи*. Он вырезает из дерева изображения «четырех небесных государей», ставит их на узел своей

¹ Согласно буддийским преданиям, именно то страдание, которое переживает младенец во время родов, заставляет его забыть свое прошлое перерождение.

² То же рассказывают и о Будде. Сразу после появления на свет он говорит: «Это мое последнее перерождение!». О словах младенца Умаядо летопись не сообщает.

³ При этом Умако женат на младшей сестре Мория, и ниже в летописи действия Умако названы «подлыми» 妄, *мидари*.

прически и говорит, что если одержит победу, то построит для них храм как для «охранителей мира» 護世, *госэ*. Сога-но Умако тоже обещает воздвигнуть храм — но не только «небесным государям», а еще и «великим богам-государям» 大神王, *дайсинно*:

Согласно буддийской картине мира, в центре мироздания расположена гора Сумеру 須弥山, *Сюми-сан*, а по четырем сторонам от нее на небесах, ближайших к земле, есть четыре царства. Они населены разными существами и управляются четырьмя «небесными государями» 天王, *тэнно*: «Властитель страны» (持国天, *Дзикокутэн*, санскр. Дхритараштра) на востоке правит небесными музыкантами-гандхарвами, «Достигший высоты» (成長天, *Дзо:тё:-тэн*, санскр. Вирудхака) на юге — карликами-кумбхандами, «Широкоглазый» (広目天, *Ко:мэ-тэн*, санскр. Вирупакша) на западе — змеями-нагами и Вайшравана (毘沙門, *Бисямон-тэн*) на севере — демонами-якшами. Этих «государей» почитают как защитников четырех сторон света.

«Великие боги-государь» 大神王, *дайсинно*: — божества, которых почитали в древней Индии: Брахма, Индра, Варуна, Ваю и др. Многие из них упомянуты в буддийских сутрах как собеседники Будды, с ними связаны некоторые буддийские обряды.

Почитание «Четырех небесных государей» в Японии позже распространилось очень широко. Их статуи помещались во многих храмах для защиты храмовой земли и всей страны с четырех сторон. Часто их изваяния включают в себя фигуры «демонов» 鬼, *ки*, попираемых «государями» — образ победы над «заблуждениями и страстями» 煩惱, *бонно*: , а также над врагами державы. «Небесных государей», в отличие от будд, бодхисаттв и др., изображают в доспехах, а не в монашеских облачениях и не в условных индийских одеждах. Некоторые бодхисаттвы тоже могут изображаться с оружием, но не в броне — и их роль скорее не защитная, а «наступательная» (разрушение заблуждений) ⁴.

⁴ В современном быту словосочетание *ситэнно*: — частое обозначение четверки соратников (политических деятелей и т.п.).

Изображение подростка Сё:току-тайси, приносящего свой обет, часто встречается среди буддийских изваяний для домашней молельни. Это небольшие фигурки с подчеркнута детскими чертами лица. Почитание Сё:току-тайси в этом случае соединяется с почитанием бодхисаттвы «Чрева Земли» 地蔵, Дзидзо:, санскр. Кшитигарбха, — защитника детей и странников.

Победа была одержана, и позднее царевич Сё:току во исполнение своего обета возвел храм «четырех небесных государей» 四天王寺, Ситэнно:дзи. Считается, что в перестроенном виде этот храм сохранился до сих пор в черте нынешнего города О:сака. «Анналы» сообщают, что к этому храму перешли дом убитого Мононобэ-но Мория и половина его рабов 奴, яцуко. Здесь впервые речь идет о собственности, закрепленной за буддийским храмом. Позднее такие пожертвования распространились очень широко, хотя время от времени власти пытались ограничить их. Сога-но Умако «во исполнение своего обета воздвиг храм Хо:ко:дзи 法興寺 в Асука» (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 85). Речь идет о храме, позже перенесенном в город Нара и там известном как Ганго:дзи. Отметим, что в «Записках» самого этого храма временем его основания считается 538 г. — год «Начала Закона Будды» по этому источнику.

Обету Умаядо приписывается огромное значение. Так, Сайтё: (767-822) отсчитывает историю Закона Будды на островах от того, когда царевич из дворца Камицумия начал строить в стране буддийские храмы (Буккё: сэйтэн («Священные тексты буддизма»). Токио, 1974. С. 381). Многие японские и западные исследователи подчеркивают, что в качестве «основателя японского буддизма» почитается мирянин, а не монах. В источниках VIII в. ни разу не говорится о том, чтобы Сё:току-тайси когда-либо желал принять монашество. Считается, что именно благодаря ему буддизм в Японии стал в большей мере «светским», нежели «монашеским». Примечательно, что место такого мирянина-учителя занял не кто-либо из государей или глав знатных родов, а человек, обладавший властью скорее по собственным достоинствам, нежели по обычаю или по закону. Ему как наследнику, так и не занявшему престола, никогда не принадлежала

главная роль в обрядах «родным богам», и возможно, поэтому его оказалось возможным выделить в качестве религиозного реформатора.

Обучение царевича материковым наукам начинается сравнительно поздно, уже в годы правления Суйко. Его наставником по «внутреннему», то есть буддийскому учению становится монах из Когурё Хеджа 慧慈, прибывший на острова в 595 г. Вместе с другим монахом, родом из Пэкче, по имени Хэчхон 慧聰, Хеджа поселился в храме Хо:ко:дзи, и эти двое, согласно «Анналам», стали «остовом Трех Сокровищ в Ямато» (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 91). «Внешними» китайскими книгами с Умаядо занимался «ученый муж» 博士, хакасэ, по имени Какука 覺弩 (его происхождение неизвестно, вероятно, он тоже был монахом). Здесь в «Анналах» книги по буддийскому обыкновению делятся на те, что находятся внутри канона «сутр и трактатов» и вне его. И в буддийском, и в «мирском» китайском ученье царевич достиг «глубокого понимания».

Хотя государство продолжало вести войны и на самих Японских островах, и на материке, о каких-либо дальнейших деяниях царевича в военной области «Анналы» не сообщают. Не участвует он и в переговорах с послом из Китая в 608 г., что выглядит странным, если считать Сё:току знатоком китайских наук. Ему отводится другая роль: преобразование внутреннего обихода Ямато, и в том числе — выстраивание новой государственной обрядности.

К 603 г. относится сообщение о том, как наследник Сё:току обратился к сановникам: «У меня есть изображение Будды. Кто желает получить его и поклоняться ему?» (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 94). Принять статую и построить для нее храм вызвался некий чиновник из рода Хада⁵. Сам Сё:току тогда же изготовил несколько предметов из числа обрядовой утвари: щиты и стрелы для обрядов богам *ками* и стяги для буддийских храмов.

⁵ Переселенческий род, в «Дополнениях к древним сказаниям» о нем говорится, что от него ведут начало шелководство и шелкоткачество в Ямато [Синто 2002 II, 96]. См. об этом чиновнике ниже, § Т7.

В конце того же года, согласно «Анналам», в стране впервые были введены ранги для служилых людей, общим числом двенадцать. Таким образом был сделан важнейший шаг по созданию в Ямато служилого сословия — того самого, к которому по большей части обращены наставления конфуцианского учения. Названия рангов отсылали к основным понятиям конфуцианства — это 1) «доблесть» или «добродетель» 徳, току, кит. дэ; 2) «человечность» 仁, нин, кит. жэнь; 3) «ритуал» 礼, рэй или рай, кит. ли; 4) «искренность» 信, син, кит. синь; 5) «долг» 義, ги, кит. и; 6) «мудрость» 智, ти, кит. чжи. Последние пять понятий в совокупности обозначаются как «пять постоянств» 五常, годзё:, кит. учан. Каждой из названных шести категорий соответствовало по два ранга, «большой» и «малый», для каждого ранга вводилась одежда особого цвета. В первый день следующего года ранги впервые были пожалованы сановникам. К 605 г. относится уточнение к правилам должностного облачения; ранее в «Анналах» приводится сообщение о новых «придворных церемониях» 禮, рэй, а именно, о поклонах при входе во дворец и выходе из него. Однако их вводит не наследник, а государыня Суйко.

Летом 604 г. царевич Сё:току составляет текст, который, как считается, стал основой для дальнейшего строительства государства в Ямато. Его название — «Уложение в семнадцати статьях» 十七条憲法, «Дзю:ситидзё: кэмпо:». Это сочинение, полностью вошло в «Анналы Японии» (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 94-98). Оно представляет собой наставление служилым людям, «сановникам и чиновникам» государства и может служить примером самого тесного переплетения выражений, восходящих к конфуцианскому и буддийскому учениям.

См. [«Уложение в семнадцати статьях» царевича Сё:току](#). Перевод Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова

Согласно первой его статье, «согласие» 和, ва, кит. хэ, есть главное средство против вражды между знатными родами. Понятие «согласия» в памятниках конфуцианской мысли толкуется как «гармония», «единство через разномыслие» — в отличие от такого единства, где самобытные черты каждой части стираются внутри целого. Сочетание 大和 со значением

«Великое согласие», стало одним из способов записи названия страны — *Ямато*. В «Уложении» говорится: когда верх обладает «согласием» 和, *явараги*, а низ «дружелюбием» 睦, *муцуби*, тогда они достигают взаимопонимания, и дела «движутся сами собой» 事理自ら通ず, *дзири мидзукара цу:дзу*. Отметим эту оценку должного хода событий как самодвижения — она свойственна и конфуцианской, и даосской мысли, но не буддийской, где мировой круговорот событий мыслится как страдание.

Вторая статья предписывает почитать «Три Сокровища»: Будду, его Закон и общину. О них говорится как о «последнем прибежище», 終歸, *сю:ки*, для всех «четырех разновидностей живых существ». Согласно буддийскому учению, эти четыре группы составляют те, кто рожден из утробы, как люди и звери, из яйца, как птицы, гады и рыбы, из слизи, как насекомые, и путем превращения, как божества, демоны и др. Таким образом, Закон Будды распространяется не только на людей, но на все живые существа. Знак 歸, *ки*, «прибежище» (современное написание 歸, *ки/каэру*) входит в общепринятую формулу обращения к буддизму — «Я ищу прибежища у Будды, учения и общины». Далее сказано, что «Три Сокровища» суть «предельная основа» 極宗, *гокусю:*, для всех государств. «Основа» здесь — то же слово, что «школа» в сочетании «школы и учения», «религии» 宗教, *сю:кё:* (см «Введение»). В этой же статье говорится: «Отъявленного злодея встретишь редко. Если человеку объяснить всё как следует, он послушается» (能く教ふれば従ふ, *ёку осю:рэба ситагау*). А это возможно только в том случае, если прибегнуть к «Трем Сокровищам». Обратим внимание на то, что слово «объяснить» здесь — 教, *кё:/осиэру*, им же обозначаются «учения» Будды, Конфуция и Лао-цзы.

В третьей статье описаны отношения между «господином» 君, *кун*, кит. *цзюнь*, и «службой» 臣, *син*, кит. *чэнь*, они же «правитель» и «сановник». «Господин — это Небо, слуга — это Земля. Небо — покрывает, Земля — поддерживает». Одному надлежит решительно действовать, другому покорно поддаваться, одному повелевать, другому исполнять повеления. Когда дела идут так, то четыре времени года должным образом сменяют

друг друга, и все «природные силы» 氣, ки, кит. ци, пребывают в согласии — а в противном случае наступает «крушение» 壞, кай. Эту статью «Уложения» можно считать кратким изложением основ китайской «государственной» религии, которая подчеркивает зависимость природных событий от поступков правителя и его подданных.

В четвертой статье вводится понятие «ритуала» 禮, рэй, кит. ли, как основы подчинения и управления. Здесь «Уложение» следует за Конфуцием и его продолжателями. Пятая статья призывает отбросить «алчность» 饕, мусабори, и «корыстные желания» 欲, ёку, решать дела «справедливо» 明らに, акира-ни, а не следуя собственной выгоде. В этом случае «Уложение» рассуждает скорее по-буддийски, противопоставляя «справедливость» и «желания», а не призывая согласовывать одно с другим, как делали Сюнь-цзы и другие мыслители Китая⁶.

Шестая статья предписывает наказывать злых и поощрять добрых, не слушая «льстецов и обманщиков» 諂ひ詐る者, хэцураи-ицувару моно, так как они — «лучшее средство, чтобы опрокинуть государство, острый меч, разящий народ». Подобные люди лишены «верности» правителю 忠, тю:, и

⁶ Для сравнения можно привести цитату из Сюнь-цзы, ставшую в Китае одним из основных определений того, что такое «обряд» ли: «Обряды берут свое начало в самом человеке. Человек от рождения обладает желаниями; а если желания [людей] не находят своего удовлетворения, то обязательно возникает недовольство; когда недовольство не имеет предела, возникает соперничество; соперничество же приводит к смуте. Прежние (мудрые) ваны питали отвращение к такого рода смутам, поэтому они установили нормы поведения и правила долга, чтобы воспитывать человеческие желания и удовлетворять человеческие потребности, чтобы желания людей не истощались в вещах, а вещи не исчерпывались от людских желаний. Когда желания и вещи соответствуют друг другу и растут [соразмерно], устанавливаются нормы поведения людей» (Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т.4. перевод с китайского, вступительная статья, комментарий и приложения Р.В. Вяткина. М., 1986. С.63). «Нормы поведения» здесь — перевод того же слова ли. Таким образом, здесь речь идет о воспитании и упорядочивании желаний, о распределении желаемых «вещей» сообразно возрасту и общественному положению людей, но вовсе не о сокращении или «отбрасывании» желаний. Что же касается буддийских источников, то в них «алчность», «глупость» и «гнев» — «три яда», отравляющие страданием жизнь человека. Ту же мысль можно встретить и в других индийских памятниках, в частности, в «Бхагавадгите» XVI, 21: «В ад приводят врата тройные: вожделение, злоба, жадность; погубить они душу способны — пусть же всякий их избегает» (Бхагавадгита. Пер. с санскрита, исслед. и примеч. В.С. Семенцова. М., 1999. С.83). Ниже в «Уложении» о «глупости» и «гневе» говорится в отдельных статьях.

«человечности» 仁, *нин*, по отношению к народу — двух качеств подданного, которым конфуцианцы придают наибольшее значение. Вместе с тем, осуждение «лживости» можно считать отсылкой к буддийскому учению, где отказ от лжи входит в число пяти основных заповедей.

Седьмая статья указывает, что у каждого человека есть «обязанности» 任, *нин*, перед государством. Эти обязанности должны быть соразмерны его задаткам: «Когда назначают на должность мудрого человека, тут же слышатся голоса одобрения. Когда же должность получает недостойный, тут же за несчастьями следуют беспорядки». Мало кто из людей от рождения обладает «знанием» 知, *ти*⁷, «мудрецами становятся в результате упорных размышлений» 尅く念うて聖となる, ёку омо:тэ сэн-то нару.

Всем чиновникам независимо от происхождения надлежит ревностно трудиться (статья восьмая), блюсти взаимную «искренность» 信, *син* между начальством и подчиненными (статья девятая). В десятой статье осуждаются гнев: «Не приходите в ярость на людей из-за того, что они — другие. У каждого человека есть сердце (心, *кокоро*). У каждого сердца есть наклонности (執るところ, *тору токоро*). Он считает что-то хорошим, а я — плохим. Я считаю что-то хорошим, а он — нет. Я не обязательно мудр, он — не обязательно глуп. Оба мы — лишь люди (凡夫, *бонбу*, выражение из буддийских текстов). Кто может точно определить меру хорошего и дурного? Оба мы и мудры, и глупы — словно кольцо, что не имеет концов». В этой проповеди взаимной терпимости примечателен образ «кольца» (鑲, *мимиганэ*). Он указывает не только на относительность любых оценок (поскольку все они зависят от слишком многих условий, а те условия также обусловлены и т.д.), но и на внутреннюю связь между всеми людьми согласно буддийскому учению о карме. Исходя из этого учения, «мудрость» и «глупость», как и любые другие свойства человека, порождаются его прежними деяниями, а деяния в прошлом и настоящем все связаны между собой. Следовательно, «хорошее» и «дурное» в разных людях неотделимы

⁷ Напомним, что самого составителя «Уложения» относили к числу этих немногих.

друг от друга, отсюда и невозможность осуждать кого-либо, не судя при этом и самого себя.

Одиннадцатая статья «Уложения» требует воздавать за поступки по справедливости. Местным правителям не следует облагать народ своими особыми податями, ибо в стране вся власть принадлежит государю: «у народа нет двух хозяев», и все чиновники государя — его слуги (статья двенадцатая). Никто из лиц, назначенных на должность, не вправе уклоняться от участия в государственных делах, даже на основании слабой осведомленности в вопросах управления (статья тринадцатая). Нельзя поддаваться зависти (статья четырнадцатая), вообще надо по возможности отбросить личное и обратиться к государственному (статья пятнадцатая)⁸. Народ надо использовать на общественных работах, но только зимой, когда он свободен от полевых работ (статья шестнадцатая), важные дела следует решать сообща, в менее важных делах чиновник должен полагаться на собственное разумение и обходиться, как проще (статья семнадцатая).

Весь текст «Уложения» представляет собой подборку дословных или переиначенных цитат из различных памятников китайской мысли и из буддийских текстов. Исследователи считают маловероятным, что это сочинение могло быть написано в начале VII в. Его относят ко времени составления «Анналов», то есть к началу VIII в. Вероятно, авторство его принадлежит кому-то из летописцев. Однако среди китайских источников невозможно вычленить непосредственный прообраз «Уложения», так что заслуга составления этого памятника как целого, скорее всего, принадлежит японским авторам. И в этом смысле текст может свидетельствовать о достаточно свободном знании китайских источников. Он не копирует готовый образец, а использует большой набор материалов для исполнения некоего самостоятельного замысла. Можно отметить, что в итоге содержание этого небольшого сочинения не сводится к какой-то одной мысли, а выглядит разноплановым, и в чем-то авторы возражают

⁸ В конце этой статьи говорится, что ее «сердце» составляет взаимное согласие, о котором говорилось выше, в статье первой. Отметим такое употребление слова *кокоро* — оно может относиться не только к «сердцу» человека, но и к «сути», «главному смыслу» какого-либо высказывания.

сами себе. На протяжении веков вплоть до наших дней «Уложение» изучают не только как наставление государственным мужам, но и как памятник буддийской мысли — в этом качестве он, например, включен в хрестоматию «Священных текстов буддизма» (Буккё: сэйтэн («Священные тексты буддизма»). Токио, 1974. С. 365-368).

Дальнейшая деятельность царевича Сё:току в «Анналах» связана с почитанием «Трех Сокровищ». Зимой 605 г. наследник поселяется во дворце Икаруга, строительство которого было начато в 601 г. Частью этого сооружения стал храм, позже известный как Хо:рю:дзи. Он сохранился до наших дней, и хотя его не раз перестраивали, в целом исследователи считают его облик наиболее близким к тому, какими были храмы периода Асука. Среди других построек в нем имеется так называемый «Зал сновидения», *Юмэдоно* — по преданию, царевич увидел это здание во сне, и позже зал построили в точности по описанию с его слов.

Осенью 606 г. по просьбе государыни Сё:току-тайси проводит «чтения» 講, *ко:*, «Сутры о Шримале» 勝鬘經, «Сё:ман-гё:», занявшее три дня. В том же году он устраивает чтения «Лотосовой сутры», 法華經, «Хоккэ-кё:». Здесь впервые в «Анналах» упомянуты названия буддийских текстов, известных в Ямато. Можно предположить, что отрывки из сутр читались вслух, и к ним чтец давал свои пояснения. А.Н. Мещеряков обращает внимание на то, насколько необычен был подобный труд — ведь молитвословия и другие памятники *синто:* и тогда, и еще многие столетия спустя существовали без каких-либо толкований (Мещеряков А.Н. Указ. соч. С.41).

Выбор именно этих двух сутр исследователи объясняют тем, что их «чтения» проводились при дворе женщины-правительницы. Главное действующее лицо в первой сутре — царица Шримала, верная почитательница Будды, а «Лотосовая сутра», в отличие от многих других буддийских источников, не отказывает женщинам в возможности достичь освобождения уже в нынешней жизни (а не в будущей, после перерождения мужчиной).

См. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Сутра о постижении деяний бодхисаттвы Всеобъемлющая мудрость. Издание подготовил А.Н. Игнатович. М., 1998; . THE LION'S ROAR OF QUEEN SRIMALA SUTRA. A Buddhist Scripture on the Tathagatagarbha Theory. Translated by Alex and Hideko Wayman (1974). <http://www.mandala.hr/3/srimaladevi.html>.

Государыня, довольная прозвучавшими толкованиями, жалует наследнику рисовые поля, позже включенные в надел храма Хо:рю:дзи. Сообщение «Анналов» можно понять так, что царевич был «заказчиком», а сами «толкование» и «чтение» вели монахи — как это обычно бывало позднее при дворцовых буддийских обрядах. Однако в традиции буддийских исторических сочинений и жизнеописаний, а также в иконографии закрепилась та версия, согласно которой царевич сам излагал две названные сутры. Таким образом, Сё:току-тайси, будучи мирянином, впервые в Ямато провел «чтение» и «толкование» сутр, и уже затем их стали вести монахи.

В следующем году государыня велит всем сановникам «с рвением почитать богов Неба и Земли», как установлено ее предками-государями, и наследник вместе с Сога-но Умако во главе чиновников совершают обряд почитания богов (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С.99). Здесь обряд богам *ками* уже выглядит не родовым, а государственным делом. Подобную роль обряда можно считать воспроизведением образца, взятого из китайской «государственной» религии — хотя сам обряд был местным, островным.

К 613 г. в «Анналах» относится сообщение, которое можно считать началом традиции жизнеописаний царевича Сё:току как «святого», способного к «чудесам» 靈, *рё:* или *рэй*. Зимой этого года царевич замечает возле дороги голодного нищего. На вопрос, как его зовут, нищий не отвечает. Сё:току оставляет ему еды и питья, а также свою накидку, и слагает песню:

Жаль путника,
Что голодным
Лежит

В горах Катавока,
Под солнцем сияющих.
Вырос ты
Без родительской [ласки?]
Нет у тебя и любимой,
Что стройнее бамбука.
Голодным лежит...

Путника жаль (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 105-106).

Можно считать это стихотворение первым памятником буддийской поэзии в Японии. Назавтра наследник посылает справиться об этом человеке, и ему сообщают, что нищий умер. В большом огорчении наследник велит похоронить нищего на том самом месте у дороги, и указывает: это был не обычный человек, а «святой» 真人, хидзири (иероглифическую запись этого японского слова здесь можно понять и как «истинный человек»). Через какое-то время могилу проверяют, и в ней оказывается только одежда, а тела нет. Наследник снова начинает носить ту накидку, которой было укрыто тело нищего. Людей всё это поражает, они говорят: «святой узнает святого» 聖の聖を知る, хидзири-но хидзири-о сиру.

Этот же сюжет в несколько измененном виде вошел в «Японские легенды о чудесах». Там нищий сначала исчезает, оставляя на ветке дерева накидку царевича, и тот к неудовольствию сановников надевает ее. О песне, сложенной им, ничего не говорится. Нищий умирает где-то в другом месте, ему по приказу Сё:току строят временное захоронение близ храма Хо:риндзи. Затем из запертой временной гробницы тело исчезает, а при входе в нее находят стихотворение:

Имя моего господина
Забудут лишь тогда,
Когда воды реки Томи,
Что в Икаруга,

Перестанут струиться (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 41).

Стихи считаются предсказанием о славе Сё:току-тайси в будущие века. Обо всём произошедшем сообщают царевичу, а тот в ответ не произносит

ни слова. Составитель «Легенд» подытоживает: «Там, где человек обычный видит лишь нищего, святой своим провидящим оком способен распознать истинное. Это — чудо чудесное». Примечательно, что описываемые «чудеса» не несут какой-либо пользы (вроде исцеления или избавления от других страданий), но лишь подтверждают отличие «святого» от обычных людей.

Кроме «Уложения» и «Толкования» царевичу Сё:току приписывают несколько сочинений, тексты которых не сохранились. Согласно «Анналам», в 620 г. он вместе с Сога-но Умако составил первые в Ямато книги по истории и генеалогии — «Записи государей» 天皇記, «Тэнно:-ки» и «Записи страны» 國記, «Коку-ки», а также «Основные записи оми, мурадзи, томо-но мияцуко, куни-но мияцуко, ста восьмидесяти бэ, а также простого народа» 臣連伴造國造百八十部并て公民等の本記, «Оми мурадзи томо-но мияцуко куни-но мияцуко момоамари-ясо томо-но-о авасэтэ о:митакара домо-но мотоцу-фуми» (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 108). В название третьего из этих сочинений вошли обозначения основных слоев, на которые делилось общество Ямато. Можно предположить, что это было сочинение по генеалогии знатных родов (с титулами *оми*, как Сога, и *мурадзи*, как Мононобэ) и местных правителей (*куни-но мияцуко*), а также по истории возникновения ремесленных и прочих «профессиональных» общин (*бэ*), земледельческих и других поселений. Исследователи предполагают, что этих трех книг на самом деле не существовало. Составители «Анналов» приписали Сё:току-тайси сочинения с такими заглавиями, так как для них важно было включить свое собственное сочинение в некую цепочку преемственности, придать ему как можно более долгую предысторию (см. Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 330). В этом смысле третье из названных сочинений может считаться прообразом генеалогических трудов начала IX в. («Вновь составленных списков знатных родов» и других). «Записи государей» играют ту же роль по отношению к «Записям о делах древних» (как история правящего рода), а «Записи страны» — по отношению к «Описаниям нравов и земель» или же к самим «Анналам». Под 645 г. дается сообщение о том, что в пору крушения власти рода Сога тогдашний его

глава, Сога-но Эмиси, перед смертью пытался сжечь книги царевича Сё:току и Сога-но Умако, однако «Записи страны» удалось спасти из огня — что дополнительно укрепляет авторитет «Анналов» как продолжения этой книги.

В «Записках храма Ганго:дзи» наследник Умаядо предстает как сподвижник и собеседник государыни Суйко. Среди прочего ему приписывается заслуга разъяснения государевым родичам «разницы между монахами и мирянами». Обо всех троих — Суйко, Сога-но Умако и Умаядо — говорится, что они «с сердцем бодхисаттв» молили будд всех десяти направлений наставить людей на истинный путь и защитить мир в государстве. Однако здесь роль наследника второстепенна по сравнению с государыней, главной почитательницей «Трех Сокровищ». Примечательна его речь в первый день 613 г., по хронологии «Записок» — года столетия Суйко. Восхваляя ее правление, он говорит, что в Ямато сбылось пророчество из «Лotosовой сутры»: «Во дворце государя поселится женщина и станет проповедовать». Величание государыни он завершает молением: «Почтительно прошу о том, дабы не оставляли нас благодеяния Трех Сокровищ, дабы пребывали они совместно с императором, небом и землей, дабы четыре моря спокойны были, дабы распространился истинный Закон, вечно указуя священный путь» (Буддизм в Японии. М., 1993. С.412). Составление самих «Записок», как указано в их начале, также поручено было наследнику Умаядо.

В 621 г. Сё:току-тайси умирает. В «Анналах» сказано, что все люди в Поднебесной горюют по нем. Монах Хеджа, к тому времени уже вернувшийся на родину, узнает о смерти своего ученика, созывает монахов, устраивает постную поминальную трапезу и толкует сутры. Затем он произносит речь, где величает Сё:току как обладателя доблестей трех китайских древних государей — Яо, Шуня и Юя, — как почитателя Трех Сокровищ и благодетеля людей. Монах говорит, что умрет ровно через год и встретится с Сё:току в Чистой Земле будды, чтобы тогда с ним вместе наставлять всех живых существ. Через год Хеджа и вправду умирает, и его тоже называют «святым».

На статуе Будды Шакьямуни в храме Хо:рю:дзи имеется надпись, согласно которой это изваяние начали сооружать ради исцеления царевича от болезни, но завершили уже после его смерти и воздвигли в память о нем, а также о его матери и жене. В надписи указано, что размеры статуи соответствуют телу царевича: исследователи видят в этом пример буддийской «магии» — попытки воздействовать на тело человека через его точное подобие (*Накорчевский А.А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика)*. СПб., 2004. С.91).

В «Зале сновидения» на территории того же храма имеется изваяние самого Сё:току-тайси в облике бодхисаттвы. Ее отличие от большинства изваяний в том, что ореол позади фигуры не прикреплен к ее спине, а прибит к голове. Есть предположение, что здесь имела место «вредоносная магия». Если считать, что Сё:току умер насильственной смертью (по одной из версий, он был отравлен). то заказчики статуи, род Фудзивара, могли пытаться усмирить «гневный дух» умершего царевича, пробив гвоздем голову его изображения. Исследователи отмечают необычное выражение лица изваяния, что тоже служит доводом в пользу его «магического» назначения (см. *Накорчевский А.Н. Указ. изд. С.92*).

В «Японских легендах о чудесах» приводится рассказ о случае с О:томо-но Ясуноко — сановником при нескольких государях Ямато и преданным почитателем Трех Сокровищ. В тридцать третий год правления Суйко (625 г.) Ясуноко внезапно умирает. Покойный царевич Сё:току является ему и провожает его к некой горе, где на вершине восседает монах, именующий себя «юношей из Восточного дворца». Этот монах предсказывает, что Ясуноко грозит скорая гибель, и просит его принять «снадобье отшельников» (отсылка к даосским искусствам достижения бессмертия). Снадобьем служит камень из браслета на руке монаха, Ясуноко повинуется. Затем монах просит трижды повторить величание «бодхисаттвы чудесной добродетели» и исчезает. Сё:току велит Ясуноко возвращаться и обустроить место для статуи Будды, которую обещает изготовить сам, когда завершит свое покаяние и вернется во дворец. После

этого Ясуноко оживает и рассказывает обо всем увиденном своим домашним. Далее следует толкование произошедшего чуда, из которого следует, что под бодхисаттвой имелся в виду бодхисаттва Манджушри, под смертельной угрозой — мятеж Сога-но Ирука 643 г., а под «Восточным дворцом» — Япония. Что же до намерения Сё:току изготовить статую, то его исполнил государь Сё:му (прав. 724-749), воздвигнув Большого Будду в храме То:дайдзи.

В более поздних источниках приводится множество других легенд о царевиче Сё:току. Например, его считали перерождением Хуэйсы 慧思 (515-577), одного из знаменитых китайских буддийских наставников⁹ (*Shirato Waka. Inherent Enlightenment (hongaku shisō) and Saichō's Acceptance of the Boddhisattwa Precepts // Japanese Journal of Religious Studies. Tokyo, 1987. V. 14/2-3. P.125*). Кроме того, ему приписывали несколько пророчеств: в 604 г. он будто бы предсказал перенос столицы в Хэйан через 200 лет, в 596 — разрушение храма Асука-дэра через 500 лет (*Kidder E.J.Jr. Busshari and Fukuzō: Buddhist Relics and Hidden Repositories of Hōryū-ji // Japanese Journal of Religious Studies 19/2-3 (1992). P.239*).

См. [Почитание царевича Сё:току-тайси 太子信仰, Тайси-синко:](#)

⁹ Видимо, даты жизни Хуэйсы и Сё:току, или кого-то одного из них, в этом случае брались не те, что приняты в современных исследованиях.